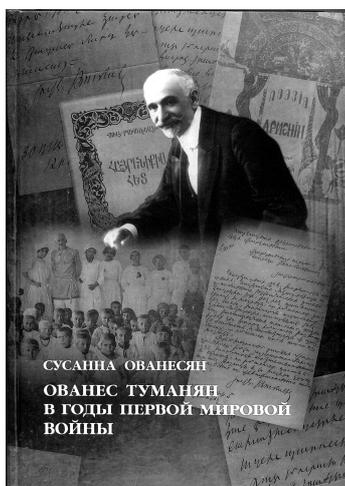

СУСАННА ОВАНЕСЯН. Ованес Туманян в годы Первой мировой войны. Ереван, изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2018, 619 с.

Недавно на стол читателя легла книга Сусанны Ованесян «Ованес Туманян в годы Первой мировой войны». Эта прекрасно оформленная, объемная монография вышла в свет при содействии Всеармянского фонда арменоведческих исследований. Издана она на русском языке (переводчик – Гурген Баренц), что важно отметить, ибо всем своим содержанием, огромным богатством изложенных в ней фактов и событий она выходит за национальные рамки и поднимает вопросы, актуальные и в наши дни.

Жизнь и творчество Туманяна всегда привлекали к себе литературоведов и критиков, и армянское туманяноведение – довольно богатая страница в истории нашей культуры. Казалось бы, что нового можно еще сказать в этой области? Но выясняется, что можно. Неоспоримым доказательством этого является и новый труд С. Ованесян. На сегодня она – самый активный, самозабвенно преданный своей работе туманяновед, автор уже нескольких монографий о Поэте всех армян.

Рецензируемая книга отличается прежде всего своей научной фундаментальностью. Помимо огромного количества использованной здесь опубликованной литературы – не только литературоведческой, но и исторической – монография значительно обогащена ранее не известными широкому читателю документальными материалами. Автором использованы не только архивы, хранящиеся в Доме-музее Туманяна и в Музее литературы и искусства им. Е. Чаренца (фонд самого поэта, фонд Кавказского общества армянских писателей, фонды других поэтов, общественных и культурных деятелей). С. Ованесян ссылается также на фонды Матенадарана, материалы Национального архива Армении, Центрального госархива Российской Федерации. Кроме того, автором тщательно изучена периодическая печать отраженного в монографии отрезка времени. Все это сообщает изложению неоспоримую научную ценность. Исследовательскую работу С. Ованесян можно сравнить с трудом археолога, который производит раскопки во всех предполагаемых местах для достижения

поставленных научных целей. И в результате этих «раскопок» перед читателем встает живой образ Туманяна, воскресают дни и часы его жизни.

Примечательно, что, хотя монография, судя по ее названию, посвящена жизни и деятельности поэта в годы Первой мировой войны, однако начинается она с изложения в первой главе предвоенного периода (1912–1914 гг.). И характерно, что именно в этой главе уже раскрывается уникальность туманяновской личности. Да, Туманян был великим поэтом. Но сколько своего драгоценного времени он растрчивал не на творчество! С 1912 года он руководил Кавказским обществом армянских писателей в Тифлисе. Эта культурно-организационная работа отбирала у него немало сил; кроме того, на его плечах лежала забота о материальной помощи писателям и поэтам – членам общества ... А сколько нервов стоила ему разгоревшаяся полемика с редактором газеты «Мшак» Амбарцумом Аракеляном! «В публицистическом наследии писателя дискуссионные, полемические статьи, направленные против А. Аракеляна, – отмечает С. Ованесян, – навсегда останутся как решительный протест гениальной личности против посредственности, отравляющей его жизнь, против сестры и малодушия, зависти и лжи, фальсификации и брани, против ничем не обоснованных нападок» (с. 78–79).

В данной главе автор приводит огромное множество фактов (на основе разных писем, документов, прошений, сохранившихся в архивах), когда к Туманяну обращались за помощью едва знакомые или вовсе незнакомые люди с самыми различными просьбами, отнюдь не только литературными: к примеру, найти работу или назначить кому-то стипендию, устроить ребенка в Нерсисянскую духовную гимназию и даже освободить от воинской службы. Это свидетельствует о том, что люди воспринимали Туманяна не только как поэта, но и как близкого, отзывчивого человека, который их поймет, обязательно откликнется, поможет. И он добровольно, по зову души и сердца постоянно взваливал на себя тяжкий груз житейских забот стольких людей, по возможности облегчая им этот груз. Именно эта черта удивительной, неповторимой натуры Туманяна поэтически обобщена в одном из его четверостиший 1917 года:

*Зачем бегу, зачем себе я лгу,
Что от людей куда-то убегу?
Я связан с ними тысячами нитей,
Не разделить их боли не могу!*

(пер. Н. Гребнева)¹

¹ О в. Т у м а н я н. Избранные произведения в 3-х тт., т. 1. Ереван, 1969, с. 137.

В следующих шести главах монографии перед нами предстает живой образ поэта в годы Первой мировой войны. С. Ованесян как нельзя полнее раскрывает четыре года туманяновской жизни – с 1914 по 1917-й, отмеченные каждодневной готовностью делать все возможное и невозможное для своего народа. Это и его роль в формировании армянских добровольческих отрядов в самом начале войны; и первое посещение Западной Армении в ноябре-декабре 1914 года (здесь щедро использованы дневниковые записи поэта); активное участие в работе Общества помощи беженцам; деятельность председателя Кавказского общества армянских писателей после Геноцида в апреле 1915 года; вторая поездка Туманяна в Западную Армению, в Ван в июне 1915 года, в самый разгар зверского уничтожения турками армян на всей территории Османской империи.

Детально запечатленные автором дни пребывания Туманяна в Ванском вилайете не могут не навести читателя на мысль: ведь он ежеминутно рисковал своей жизнью. И действительно, поэт не однажды чудом спасался от смерти. Но в том-то и дело, что для Туманяна патриотизм никогда не был отвлеченным понятием. Об этом – вся четвертая глава книги, рассказывающая о том, как, вернувшись из Вана и будучи больным, поэт, прервав лечение, едет в Эчмиадзин, чтобы позаботиться о собравшихся там из Васпуракана беженцах и сиротах ... Действенность его патриотизма, можно даже сказать, уникальность еще нагляднее проявились в конце 1917 года, когда русская армия стала покидать Кавказский фронт, и вновь со всей остротой стал вопрос выживания армянского народа. Полководец Андраник обратился к своим соотечественникам с призывом (в тифлисской газете «Айастан» от 22 декабря 1917 г.), заканчивающимся словами: «Спешите все, кто умеет чувствовать и осознавать угрожающую родине опасность, спешите защищать границы родины и народ» (с. 555). Как отмечает С. Ованесян, Туманян был первым, кто публично откликнулся на этот призыв, и целиком приводит открытое письмо поэта Андранику, опубликованное на следующий же день. Что не может не поразить в этом письме? То, что во имя спасения родины и народа поэт готов был жертвовать ... и своими детьми. «Дорогой Андраник, – пишет Туманян, – в этот ужасный час каждый человек должен принести на жертвенный алтарь все, что у него есть и что он может, – чтобы предотвратить надвигающуюся опасность и достичь желанного мира.

У меня четыре сына, и все четверо – в распоряжении правительства страны, Национального совета и в твоём личном распоряжении, а четверо моих дочерей готовы выполнять в тылу любую работу, на которую будут способны.

У меня, конечно же, дороже детей нет ничего, следовательно, я ничего не пожалел, лишь бы мы смогли со всеми честными народами и свободолюбивыми душами отбить надвигающуюся опасность и защитить священные для нас права и свободу» (с. 556).

Это письмо не нуждается ни в каких комментариях, оно вызывает лишь удивленное восхищение и преклонение перед памятью Туманяна – уникального патриота и гражданина. Читая книгу, мы убеждаемся, что слова поэта в письме Андранику не были лишь словами. «Восемь детей Туманяна (Седа и Тамар были еще маленькими, им было 12 и 10 лет), – пишет С. Ованесян, – присоединились к той всенародной патриотической стихии, которая объединила их отца и близкого друга их семьи – великого полководца Андраника Озаяна» (с. 557). Автор в отдельной главе рассказывает о каждом из сыновей поэта, сражавшихся в Западной Армении (только Амлик как рядовой оказался в Александрополе), о гибели, вероятнее всего, в марте 1918 года Артавазда – одного из самых одаренных детей поэта. «Мировая война, – пишет С. Ованесян, – погромы, резня, Геноцид, смерть двух братьев почти лишили поэта сил, однако трагическая гибель сына окончательно подкосила его, и он после этого никогда уже не мог оправиться от боли» (с. 578).

В образе Туманяна, документально воссозданном в книге, поражает еще и то, что в эти страшные годы, пережив столько личных потерь, он неустанно продолжал заниматься не только национально-общественной, но и культурно-организационной деятельностью, выкраивая время и для творчества. Этому посвящена шестая глава монографии. Автор подробно характеризует публицистические статьи Туманяна, написанные по зову времени, относящиеся к современным политическим событиям и судьбе армянского народа (очень ценно, что в книге нашли место и отдельные наброски и дневниковые записи поэта, впервые опубликованные лишь в конце прошлого столетия, в 10-томном академическом собрании сочинений). Отдельный раздел здесь отведен художественному творчеству Туманяна: ведь именно в эти годы им был создан целый ряд поэтических шедевров. Это, во-первых, посвященное жертвам Геноцида «Поминование» (в русских изданиях стихотворение публикуется и под названием «Оплакивание»). Заметим, что народный поэт Осетии Н. Джусойты, прочитав в конце 1960-х гг. это стихотворение в переводе Н. Гребнева, охарактеризовал его как «величаво-скорбный шаракан, поминальную песню невероятной силы, подобную хору древнегреческой трагедии»². С. Ованесян обращается и к стихотворению «С отчизной», и к другим стихотворениям, переводам, выполненным в эти годы. Особый раздел отведен четверостишиям, в которых читателю открываются вся мудрость, беспредельность философской глубины поэтического мира Туманяна, выраженные в отточенной форме. Выделив характерные мотивы четверостиший, созданных в годы Первой мировой войны, автор монографии подчеркивает, что в целом ряде этих образцов отра-

² Н. Г. Джусойты. Он смотрел на мир, как солнце. – Туманян–100. Юбилейная летопись. Ереван, 1974, с. 348.

зилась скорбь поэта, обусловленная и личными потерями, в первую очередь, трагической гибелью сына Артавазда, ставшего жертвой Геноцида. «Однако поэт сумел возвыситься над своей болью и потерей, – пишет автор, – и его личное горе перерастает в обобщенное выражение общечеловеческого страдания» (с. 509). Этот раздел С. Ованесян завершает четверостишием, написанным 2 февраля 1918 года, где, по ее словам, «выражена мысль, которая является заветной мечтой для каждого армянина, выжившего в условиях выпавших на его долю страшных, нечеловеческих испытаний. Четверостишие это понятно каждому нормальному человеку, мечтающему о мире, где нет места войне, где людям не нужно ненавидеть друг друга, о мире, в котором можно найти покой и чистоту» (с. 510):

*О чем я думаю, что нужно мне?
Мне б уголок от шума в стороне,
Где род людской без войн, вражды и злобы
Я мог бы видеть в тихом детском сне!*

(пер. Н. Гребнева) (с. 511).

Шестая глава интересна и тем, что здесь образ Туманяна предстает перед читателем еще и в совершенно ином ракурсе – литературного критика: в страшные годы, занимаясь устройством беженцев и сирот, он находит время, чтобы изучить русские переводы Кучака и Саят-Новы для готовящейся в Москве к изданию под редакцией В. Брюсова антологии «Поэзия Армении», и пишет об этом статью. Целый раздел этой главы посвящен пребыванию русского поэта в Тифлисе. С. Ованесян отмечает, что Брюсов все это время был неразлучен с Туманяном и что армянский поэт произвел неизгладимое впечатление на чету Брюсовых. Характерны в этом плане приведенные в книге слова Иоанны Матвеевны Брюсовой: «Из всех моих воспоминаний о тифлисских встречах самыми яркими являются воспоминания, относящиеся к Ованесу Туманяну. Все лица помутнели перед неизгладимым образом незабываемого поэта ... Вообще серьезный и задумчивый Туманян умел быть очень любезным и сердобольным человеком, заботливым отцом (любил гордиться своими детьми), и одновременно самым остроумным собеседником...» (с. 454). А сам Брюсов, как известно, свое отношение к Туманяну как к поэту и человеку выразил в посвященных ему стихах, написанных уже после возвращения в Москву, 25 февраля 1916 года. Напомним последние строки этого посвящения:

*Пусть звезды малые и крупные
Тебя кропят, пронзая тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,*

Дивясь сиянью твоему! (с. 452).

И время не только не стерло, не затемнило правоту брюсовских строк, а напротив, еще более высветлило их: сегодня мы еще глубже понимаем, что личность Туманяна – это действительно «сферы недоступные», и сияние этой личности становится все ярче ... Это чувство не покидает при чтении книги Сусанны Ованесян.

МАГДА ДЖАНПОЛАДЯН